

Семья и школа

Влас ДОРОШЕВИЧ

В одно прекрасное утро, — вероятно, это было солнечное, ясное, хорошее утро, — г. попечитель петербургского округа, — вероятно, вообще очень добрый человек, — проснулся в превосходном, особенно добром настроении духа.

В таком настроении король Генрих IV воскликнул когда-то:

— Я бы хотел, чтобы у каждого из моих подданных была к обеду курица!

В таком настроении г. попечитель учебного округа отдал гг. директорам гимназий распоряжение, чтобы они обратились к гг. родителям с вопросом:

— Как вы хотите, чтобы вашим детям ставили отметки: за каждый отдельный ответ, как теперь, или за известный промежуток времени: за две, за три недели?

Первый случай, когда родителей призвали к решению школьных вопросов.

Почин благой. Мысль прекрасная, светлая, ясная.

Но когда в один хмурый, ненастный, осенний день подчтут результаты плебисцита, — ответ получится:

— Предпочитаем старый способ.

Г. попечитель учебного округа будет, вероятно, страшно удивлён:

— Что это? Неужели семья у нас, действительно, довольна существующими школьными порядками?

Нет.

— Что ж, они, значит, не сумели разобраться в предложенном вопросе?

На первом же экзамене срезались!

И г. попечитель учебного округа, быть может, горько улыбнётся:

— Вот тебе и зови родителей на помощь в решении школьных вопросов!

Не берём более раннего периода, но тридцать лет без одного года семья и школа были ожесточёнными врагами друг друга.

Образования не было — была “школьная повинность”, тягостная, ненавистная, которой подчинялись, как подчиняются воинской повинности:

— Что же делать?

Ученья не было, — было сложение и деление отметок.

Мальчик получал единицу. Значит, надо или сразу сыграть и получить пять:

— Спросите меня сегодня, г. учитель!

Или сыграть два раза и получить по четыре.

$1+4+4=9$; 9, делённое на 3, даёт 3.

Мальчик получал пять. Значит, можно неделю не учить уроков и получить единицу.

$5+1=6$; делённое на 2, даёт 3.

Или две недели плохо учить уроки и получить две двойки. Опять:

$5+2+2=9$; 9, делённое на 3, даёт 3.

— Ванечка! Ванечка! Надо заниматься. У тебя единица есть. Нужна пятёрка.

— Ванечка, чего ты ничего не делаешь?

— Мамочка, у меня пятёрка есть. Мне не страшно.

Никакого ученья не было, а был ряд арифметических действий с таким расчётом, чтобы в результате получилось хоть 3.

Семья ненавидела школу. Школа презирала семью.

Семья вызволяла кое-как у школы своего мальчика:

— Мама, дай записочку, что у меня голова болела. А то опять кол поставят.

Школа презрительно смотрела на эти манёвры семьи:

— Опять записка! Не верю. Мало ли что вам там дома напишут!

Школа приходила в соприкосновение с семьёй только для катастроф.

— Вызову родителей!

— Пошлю родителям записку!

Хуже не было угроз.

“Вызов в гимназию” повергал семью в трепет:

— Какой ещё ужас надумала совершить школа?

Всякая записка из школы была как письмо в траурном конверте, — заставляла испуганно вздрагивать:

— До чего довёл? Записку к родителям пишу? А?

Отец, мать ходили в гимназию, как парламентарии, чтобы “выхлопотать” пленника.

И вот когда, спустя тридцать лет без одного года, родителей спрашивают:

— Какой должна быть, по вашему мнению, школа в таком вопросе?

Родители не знают даже, что ответить.

Да и откуда же мы знаем, какую должна быть школа, какую бывает школа?

Мы школы не видели. Мы школы не знаем.

Мы знаем, что такое “канцелярия” для маленьких чиновников”, но школа!..

Мы понятия не имеем, что такое школа! Какая такая она бывает! Какую даже может быть!

Если спросить сейчас всю Россию:

— Какой должна быть средняя школа?

Во всей России не найдётся ни одного человека, который бы ответил на этот вопрос.

Тридцать лет без одного года мы знаем канцелярию, а не школу. Мы привыкли к канцелярии.

А семьи канцелярских служащих всегда боятся реформ:

— А ну, как хуже будет?

И когда после тридцатилетней войны школа предложила семье перемирие, нечего удивляться, что семья отнеслась к этому предложению с опаской.

— Как ставить отметку: за отдельный ответ или общую за две недели?

Из двух зол человек не всегда выбирает меньшее. Часто выбирается из предосторожности старое, более привычное.

Родитель рассуждает так:

— Отметка за отдельный, часто случайно плохой, ответ, — конечно, нелепость. Мальчик мог случайно не приготовить, не понять только этого урока, и ему ставят “кол”.

Но, с другой стороны, родитель рассуждает:

— Зато я всё время в курсе игры. Принёс Ванька отметки за неделю, — есть кол, — я его следующую неделю никуда не пушу, дохнуть не дам, “учись, проси, чтобы спросили, поправляйся!” А тут...

Родителей пугает фраза циркуляра:

— Две-три недели и т.п., по усмотрению педагогических советов.

А вдруг, как они “усмотрят” ставить отметки раз в месяц!

Прошёл месяц, — хватать, а у него кол. Когда тут “поправляться”? Да ещё вдруг в последний месяц перед “четвертью”?

В последние дни перед четвертью даже самые беспечные родители тревожно осведомляются у детей:

— Вызывали? Сколько поставили? Приготовь на завтра! Вызовись!

Тут уж арифметические расчёты идут с особой силой.

Выходит оно как будто бы и очень хорошо.

Отметки не за отдельный, часто случайно плохой ответ, а за две, за три недели, — за срок, в который всё же можно судить об успехах и прилежании мальчика.

Да, но кто поручится, что учитель, привыкший к отметкам, не умеющий и ценить иначе, как по отметкам, не заведёт себе такой маленькой карманной книжечки, с клеточками, и не начнёт в неё ставить отметочек.

А потом через две недели просто-напросто сложит и разделит:

$3+2+3+1+3=12$; $12 \text{ на } 5 = 2 \frac{2}{5}$. Значит — 2.

И родитель говорит:

— Нет, уж пусть лучше игра идёт в открытую. Удобнее за игрой следить и в игре участвовать!

Родитель предпочитает явную канцелярию, потому что боится тайной канцелярии.

Правда, циркуляр обещает “сверх того”:

— Оповещать родителей в случае слабых успехов их детей по тем или другим предметам.

Но тридцатью годами без года родители научены, пуще огня боятся таких “оповещений”.

Когда “оповещают”?

Накануне выгона.

Родители привыкли, — вызывают сказать:

— Ваш сын слаб.

Значит, в следующий раз вызовут, чтобы оповестить:

— Возьмите вашего сына!

— Переведите вашего сына от нас в другую гимназию.

— Ваш сын остаётся на второй год.

Вообще что-нибудь “утешительное” в этом роде.

Родитель рассуждает:

— Учитель поставит у себя в маленькой карманной книжечке моему Пете маленький колик или двойку. Что ж, он сейчас и пошлёт за мной: “Ваш сын слаб”? Да если каждый учитель начнёт из-за каждой единицы и из-за каждой двойки родителей вызывать, так ему 24 часов в сутки на разговоры не хватит, да и ни в одной гимназии для приёма родителей места не найдётся! “Оповестят” тогда, когда совсем уж плохо, как раньше делали. И будет он, колик-то, в книжечке стоять, пятёркою или двумя четвёрками не прикрытый, и ждать второго и третьего коллика. Тогда уж и вызовут, — да поздно, ничем не поможешь! Нет, уж лучше своевременно об опасности узнавать!

В основе всех этих рассуждений лежит одно. Отвечая на заданный вопрос, родители предполагают:

— Учителя будут относиться к делу по-прежнему, по-канцелярски.

И это приведёт, наверное, авторов добрых и светлых начинаний в отчаяние:

— Сами родители смотрят на школу, как на канцелярию.

Вернее, не верят, что вы будете смотреть на неё иначе.

За родителями горький опыт тридцати лет без одного года!

Только через тридцать лет без одного года захотели выслушать родителей в школьных вопросах. Какой запоздавший циркуляр!

Но он и преждевременный циркуляр. Сначала школе надо было сделать несколько шагов навстречу. Изменить сначала канцелярское отношение к учащимся. Показать, что школа перестала быть канцелярией.

И если бы тогда спросили родителей:

— Какой порядок вы предпочитаете теперь, при отсутствии в школе канцелярского духа?

Ответы родителей были бы иными, чем они будут теперь.

А теперь? Как родители, если бы они даже и знали, чем должна быть школа, могут ответить на предложенный вопрос?

— Мы-то хотели бы так и так. Да вы-то будите продолжать вести военные действия.

И тридцатилетняя война никак не может закончиться желанным перемирием.

Ведь войско врага осталось всё то же, и способы военных действий не могут быть иными.

Если бы опросить всю образованную Россию по вопросу, самому важному, самому коренному: “Какой системы образования желаете вы для ваших детей?” — на миллион голосов не нашлось бы одного за классицизм.

И всякому понятно, что эта система, ненавистная русскому обществу, существует, потому что, куда же деть эту армию несчастных “латинистов” и “греков”?

Эту армию несчастных, ничего более не знающих и ни к чему более пригодных.

Эту армию, отдавшую всю жизнь свою на служение “по мере разумения циркуляров”. Эту армию, сушившую, забивавшую детские головы Ходобаями и Кюнерами. Эту армию, давшую России ряд малограмотных, малоразвитых поколений.

Куда они пригодны?

Ведь не вышвырнуть же их на улицу, не сказать же:

— Умирайте с голоду!

И как же они иначе будут относиться к делу, когда они иного отношения и не знают?

Разве они умеют образовывать, воспитывать? Они умеют, они знают одно:

— Ставить отметки.

Это отметчики.

Разве у них есть какое-нибудь другое мерило, другой педагогический приём, кроме “отметки”? Разве учить не значит для них “ставить отметки”?

Ну, скажите им:

— Отметок в журнале за отдельные уроки ставить не надо.

Они разорятся из скудного жалованья по гривенничку, купят по маленькой книжечке с клеточками и начнут ставить отметки тайно “для себя”.

А потом складывать и делить:

$3+2+3+1+3=12$; $12 \text{ на } 5 = 2 \frac{2}{5}$. Значит — 2.

И родители, зная, что такое эти педагоги, зная, как только они и могут относиться к делу, предпочитают, чтобы следствие об “Иванове Павле, обвиняемом в непрерывном уклонении от исполнения своих обязанностей”, велось гласно, а не тайно и, — кто знает — быть может, пристрастно.